

Вадим Муратханов

ВЕТВЯЩЕЕСЯ ЛЕТО

Москва

2007

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта **Вадим Месяц**
Елена Пахомова

Главный редактор серии **Андрей Тавров**

Оформление **Владимира Сулягина**

Муратханов Вадим

Ветвящееся лето. Стихи / Серия «Русский Гулливер». / Литературный клуб
«Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2007 – 47 с.

ISBN 5–86280–057–3

© Муратханов В., 2007
© Найман А., 2007
© Сулягин В., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

об авторе

Вадим Муратханов родился 16 января 1974 года во Фрунзе (ныне Бишкек), столице Киргизии. В 1990 году перебрался в Ташкент, где спустя шесть лет окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского Государственного университета. В конце 1999 года в содружестве с Санджаром Янышевым и Сухбатом Афлатуни основал объединение «Ташкентская поэтическая школа», отметившееся в 1999—2004 годы выпуском альманаха «Малый шелковый путь» и проведением Ташкентских открытых фестивалей поэзии. В 2002 году заведовал отделом поэзии журнала «Звезда Востока». После переезда в Москву в 2006 году заведует отделом поэзии журнала «Новая Юность» и активно сотрудничает с журналом «Интерпоэзия». Стихи, переводы, проза, эссе и критика Муратханова публиковались в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Современная поэзия», «Отчий край» (Россия), «Интерпоэзия» (США), «Звезда Востока», «Саида», «Восток свыше» (Узбекистан), «Литературный Азербайджан», альманахах «Вавилон» (Россия), «Малый шелковый путь», «Преддверие» (Узбекистан), «Литературная Азия» (Казахстан), «Провинциальный альманах» (Латвия), коллективных сборниках «Черным по белому» (Россия), «Все мы, Азия, твои дети...» (Кыргызстан), антологии «Освобожденный Улисс» (Россия) и др. Участник Московских Международных биеннале поэтов (1999, 2001, 2003), пяти Ташкентских открытых фестивалей поэзии (2001, 2002, 2003, 2005, 2006). Книги стихов: «До сумерек» (Ташкент, 2002), «Непослушная музыка» (Алматы, 2004), «Портреты» (Москва, 2005).

предисловие

Стихи Вадима Муратханова напоминают — не поучительно, а вроде встречного взгляда в толпе, — что поэзия, как ни ужасающе стара, ни переписана тысячу раз самой собою, как ни испещрено ее лицо морщинами сложнейшей конфигурации, все равно вещь простая, наивная, по-детски прелестная. «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет». Кораблик, сложенный из бумажного листа, на котором эти строчки были кем-то написаны.

*Состарившись, приду опять
в чинар высокое собрание
босыми пятками читать
развернутую книгу Брайля.*

Как изысканно, хотя на вид безыскусно! За время жизни поэт множество раз возвращается в то место, где сложился его душевный пейзаж — и его речь. Муратханов родом из Ташкента, одного упоминания чинар было бы для читателя достаточно как знака происхождения. Но их «высокое собрание» свидетельствует о его отношении, о восхищенном почтении, которое он испытывает к этому кругу берегавших и воспитавших его мудрецов. О преданности той почве, мягкость, теплоту, выбоины и ямки которой заучили с детства наизусть его ступни. На которой вывели первые младенческие строчки шажков. Вариация ахматовских «А я один на свете город знаю / И ощупью его во сне найду». Ощупью — как слепой выпуклости и впадины строчек в книге, набранной по системе Брайля. Два равных признания в нежности.

Язык — живое существо. Чтобы это заявление не звучало безответственным штампом, появляются такие поэты, как Муратханов,

такие сборники стихов, как этот. От бесконечного употребления слова затираются, начинают служить речи не каждое в отдельности, а блоками, не цветут как луг для собственного удовольствия и общей гармонии, а предлагают цели, бросают вызов, наставляют, направляют. Поэту нужна некоторая, пусть и малая, дистанция, с которой он и язык тянулись бы друг к другу. Слова, увиденные с нее, сбрасывают пленку привычности, заново открывают свой явный и тайный смысл, пленительную шероховатость, свежают. Вероятно, жизнь в повседневности нерусского города, но в языковой среде русского языка и может привести к такому явлению, установить такую дистанцию. «Тень твоя берет мое лицо в ладью ладоней». Здесь Азия, пустыня, зной, место, «где через край жестяного ведра / перегибалась, перебежала вода / невкушенным, непрожитым счастьем». Стало быть, ладья плывет по арыку, но она всё тот же пушкинский кораблик.

Муратханов не прячет своих корней: эпитафия из Ходасевича, «Катулл без воробья, без ласточки Державин». Его стихи продиктованы прежде всего собственной, оригинальной наблюдательностью: «Приблизишь лицо — / и вещи почтительно / теряют очертания / на время твоей улыбки...». Но отсутствие какой бы то ни было выпренности обнаруживает их органическое сродство с Ходасевичем, натяг струны — с Катуллом, строгость и приподнятость с Державиным.

В стихах на смерть рано ушедшего друга эти качества предъявляют себя с максимальной внушительностью и полнотой:

Ты был Ташкентом каждому из нас.
Тебя в воспоминания как камень
краеугольный клали. В этот час
мемориальный город твой меж нами
распределен, безоблачен и тих
и не проснется от шагов твоих,
когда на свет выходишь ты, бесплотен,
из сумрака сутульх подворотен.

Родина-город и родина-язык сходятся в портрете родного человека. Я хотел этими строчками кончить свое краткое предисловие к книжке, с выходом которой поздравляю всех нас. Но потом подумал, что в представление о поэте люди всегда включали еще такое его

свойство, как вера в свое всемогущество. Не совсем всерьез, но с непоколебимым убеждением, что так оно и есть, предлагаю на прощание легкую, изящную, отрадную горстку слов:

*Когда этот день
станет невыносимо странным,
рассмеюсь —
и все изумленно исчезнет.*

Анатолий Найман

I

* * *

Цветные рыбки по обоям
плывут судьбе наперерез.
Переселиться нам обоим
в их нежилой подводный лес.

Вот я — ушел прозрачным боком
в нестройно мыслящий тростник.
Вот ты — большим янтарным оком
косящая на мой плавник.

В ночь на микрон, на миллиметр
сближаемся. Текут века,
жильцы проходят незаметно,
и не кончается река.

В НАШИХ СНАХ

Алле

Пока мы на одной подушке,
касаясь головами, спим,
тебя я к маленькой старушке
веду по улицам своим.

Шумят дубы, в тот день живые.
Навстречу брат, все так же мал,
подруга, чье лицо, впервые
не узнавая, целовал.

Но ты меня на самом деле
по улицам другим ведешь.
Твой город на мое виденье,
увы, нисколько не похож.

Там школьный двор, весенний, грязный,
разбит на узких арычках
и чей-то мальчик долговязый
стоит в задумчивых очках

* * *

Мне легче быть с тобой — недавней,
придуманной на жизнь вперед,
на жизнь короткую, когда в ней
светло и тень твоя берет

мое лицо в ладью ладоней,
покуда кровь твоя и плоть
гремит посудой в чуждом доме,
тревог не в силах побороть,

и видно ей в закрестье рамы,
как тень из отступивших сфер
идет с цветочными дарами
навстречу сквозь пустынный сквер.

ПОЭМА ПРОШЛОГОДНЕГО ВЕТРА

1.

*

Давно успели окна и деревья
забыть о прошлогоднем ветре.
Но вывеску,
лежащую на крыше,
еще читают облака...

*

Дремлет кошка
на пятнистом от света асфальте.
Заведенная птичка
не умолкает в листве.
Когда этот день
станет невыносимо странным,
рассмеюсь —
и все изумленно исчезнет.

*

Иногда удастся проснуться
на мгновение
раньше болезни.

*

Встали часы,
указав моей комнаты
время.

*

Поблекла игрушка на крыше.
Только дождь касался ее
время от времени...

2.

*

Сломанная вещь в твоих руках
любимицей давней
в неведенье улыбается...

*

Приблизил лицо —
и вещи почтительно
теряют очертания
на время твоей улыбки...

*

Скоро увижу тебя.
Даже во сне
сердце минуты считало...

*

Хотелось бы взглянуть на мир
из стен твоего безумия.
Обнимаю тебя,
но не втиснуться в клетку,
не рассчитанную на двоих.

*

Видишь: давно рассвело.
Пластинка, неуверенно круглая,
крутится молча...

*

Долго еще
стою на перроне
с далеким от твоей улыбки
отражением на губах...

*

Касаюсь твоего лица.
Под шум дождя
переживу и эту радость.

*

Ты невольно изменишься,
когда я уйду.
Может быть, слегка заострятся скулы
и увеличится рост.
Волосы потеряют какой-то оттенок.
В общем-то, дело не в нас,
а в освещении.

*

В почтовом ящике
от долгого молчания
завелся паучок.
Не трогаю: примета.
Тобой надписанный конверт
один нарушит паутину..

II

* * *

Открыл однажды в глубине пустынь
я эту землю в зелени неяркой.
И корни неожиданно пустил
в сухую почву погруженный якорь.

С тех пор, в какие ни бегу края —
хребтами горными, безлюдной степью, —
неласковая родина моя
сжимает горло неослабной цепью.

ГОРОД

В кабинке шаткой чужака
напрасно к небу поднимают —
необозримые века
лукавой сказкой подменяет

обманщик-город. В свой черед
и я бродил по теплой пыли.
И разум спал. И ничего
глаза в пыли не находили.

Состарившись, приду опять
в чинар высокое собранье
босыми пятками читать
развернутую книгу Брайля.

* * *

Что толкнуло сбежать
вниз по крутому откосу —
не помню, но быстро
кончился рост, и чуткая крыша реки
сомкнулась над головой,
отменяя течение.

Две огромных руки
до первого вдоха
вырвали из теплой утробы
(сразу мокрый, испуганный),
но успели увидеться черные травы
на затопленном склоне. Зеленым
солнцем пронизанный мир.
Радость стоянья на дне.

Плывать с тех пор не умею.

ПОЭМА ВЕТВЯЩЕГОСЯ ЛЕТА

ВЕТВЬ ПЕРВАЯ

*Щепотка красного песка с площади у кинотеатра «Ала-Тоо».
Семь капель дождевой воды
со дна помятой миски,
забытой на сырых перилах веранды.
Солнечный зайчик, преломленный
зеленой пепельницей, на подоконнике
ныне снесенного дома.
В сущности, несложен
рецепт поэмы.*

1.

— Пойдешь с дедушкой воду пригонять? —
(Воду — пригонять?
Лопата и тяпка —
наверное, чтобы подталкивать, если течь
сама не захочет.)

Со снежных ребрящихся гор сбегает вода,
долго блуждает по трубам чужим и арыкам.
Ивовый прутик простой
встал поперек трубы — и вот уж растет
преграда, как на дрожжах,
сор незаметный вбирает,
обрастает обильной пеной,
мутной пленкой подергивается...
Безразлично воде
течь на хозяйские грядки
или на красный свет
по зернистой спине асфальта.

2.

Если бросить в арычный поток корявую щепку,
влагу не сразу впитает,
теченью себя подхватить
позволит не сразу.
Лишь осмотревшись, освоившись,
через секунду-другую,
тронется в путь.

Если за щепкой следом отправиться от вокзала
вниз по дубовой аллее —
проплывая навстречу, останутся за спиной
двухэтажный дом сероглазой девочки Светы,
Киев кёчёсу, Москва кёчёсу ¹
(дальше, быстрее арычная су ²
увлекает намокшую щепку),
магазин, где на стене пятнистая карта
и город на ней — красным неправильным язычком,
салон, где сидят застекленные взрослые,
замотанные в бесшумные простыни,
рыжая белка с голубым облезлым хвостом
на ветке дуба, посаженного прадедушкой,
и серебристое тело тополя-иностранца
среди темных тяжелых деревьев.

Ничего не увидел глаз,
следящий за щепкой.
— Дедушка, тебе помочь?
— Ладно, бежи, поиграй в кораблик...

3.

Снятся игрушки в свете недобром
яркого черного солнца.

¹ улица Киевская, улица Московская (кырг.)

² вода (тюркск.)

Снятся, тобою играя:
жук-повожук, мишка-топтыжка, велосипед трехколесный.
(Что тебе нужно,
о нездоровое детство?
Чья непрошенная кровь
гулко стучится в виски?)
Только проснешься —
в спальню, залитую солнцем,
входят чужие фигуры,
черны и мохнаты.
Вы извините, чужие,
неловкое мое пробужденье,
не приближайтесь вплотную,
дайте проснуться обратно.

4.

Слет лакированных туфелек
(морщинки на сгибах),
собрание демисезонных плащей
(ногтем проведешь — глухо присвистнет синтетика)
и поношенных шляп с аккуратно вдавленным верхом
сегодня в нашей прихожей.
(Дедушкин плащ
обнимает на вешалке
вязаную кофточку тети Веры.)

— ...Сваха самсы³ передала. Странно они готовят:
луку и жиру много кладут, а мяса — чуть-чуть...

Два часа, не вставая со стула,
говорить и кивать головой!
Терпеливый народ эти взрослые...

³ национальное узбекское блюдо из слоеного теста,
чаще всего с мясной начинкой

— ...Правильно, Иван Афанасьевич,
нехай у тебя поживут молодые,
раз уж приспичило.
— Не знаю, что Ахматхон думает.
Пусть сами решают...

В рюмке хрустальной, на дне,
искрится, рубиново переливается...

— ...Глянешь иной раз — вылитый узбечонок!..
— С утра как закатится к своим — не дождешься к обеду.
Все ж таки родня ему, братья...
— У Сабутышки хорошие, вежливые ребята.
Пройдут — всегда поздороваются...

Есть полминуты, пока провожают гостей,
чтобы успеть вкруг стола, по составленным стульям...
Полминуты на то, чтоб по стенкам граненым
опротчетливо оставленных рюмок
в детский желудок теплом небывалым
рубиновое перелилось...

ВЕТВЬ ВТОРАЯ

Есть ли сюжет у поэмы?

(Если же нет...)

Есть ли сюжет для без спроса делящихся клеток?

*(Даже во сне делятся клетки,
сердце минуты считает.)*

*Есть ли сюжеты в ветвящихся, делящихся днях
бесконечного жаркого лета?*

1.

Долго трется в ладонях
жгутик лагманного теста,

длинно тянется тонкими пальцами,
умашенными хлопковым маслом.
Разве не веселей догонялки?
Разве не интересней борьба на мокрой и маркой траве
за Раношкиным домом
и поиски клюквы в цветах?
Разве не подадут без того к назначенным сумеркам
горячий и жирный овкат⁴?
Скучные игры у взрослых.

2.

— Тсс... Не считайте гостей!
Аба говорит: не принято. —
Тогда про себя:
сто тринадцать, сто четырнадцать, сто пятнадцать...
и Хакимхон-ака с Хамудхон-акашкой.

Поливальщик — почетная должность,
когда той ⁵, и во дворе пир горой,
и гости текут рекой,
сбивают со счета...

Воду гостям на руки
из долгоносого чайника:
бир, ики, уч ⁶ —
тут уж никак не собьешься.
Теплые короткие струи
кротко вбирает солома на дне
широкого таза.
— Аколик, почему три раза?
— Наверное, по обычаю.

⁴ пища, еда (узб.)

⁵ устраиваемое на дому празднество, приуроченное к значительному событию в семейной жизни либо к какому-либо празднику мусульманского календаря.

⁶ один, два, три (узб.)

Взрослым не смотрят в глаза.
Взрослых встречают смиренно.
Взрослым чай подают,
ладонь прижимая к груди.
— Ахатик, как по-узбекски «да»?
— «Ха, ха...» — и головой киваешь вот так:
мол, соглашаешься...

— А, Ахматхон-оглы, кандай?
Ада каерда?
— Ада хозирча Ленинград шахрида яшайди ⁷.
(Неужели сами не знают?
Проверяют, наверное.)
— Аколик, я правильно сказал? —
шепотом, через минуту.

3.
Дети заводятся в низких уютных колясках,
в сладких складках пеленок,
в невнятном раю бельевом.
Так во дворе появились Рустамчик,
Тимур и Дильноза.
Так появилась *она*...
Правда, Аколик о детях
совсем иное рассказывает.
Но что-то не верится...

4.
Редко болела. Быстро росла.
С тихим радостным удивлением
на круглом лице
в выбивалы и жмурки играла.

⁷ — А, сын Ахматхона, как дела?

Где отец?

— Отец пока живет в Ленинграде. (узб.)

Легко находить в темноте:
запах топленого масла живет
в черных ее волосах.
Странный, недетский запах.

Этой весной ей купили майку
с разноцветным веселым поездом.
Стыдно недетское думать,
глядя сквозь этот поезд.

Ночью по белой простыни
разметались волосы, смялась рубашка.
Ая⁸ поправит рубашку,
склонившись над курпачой⁹.

Только один поцелуй
короткий положен при встрече.
Тете, аяшке, сестре —
только один поцелуй.

Жаркие, жуткие жмурки...
Запах топленого масла...
Этим летом слегка округлилась и выступила вперед
труба разноцветного поезда.

5.

— Ассалому алейкум, деда!
— Кимсиз? А-а, отринг.
Тузукмисиз? Саломатмисиз? Мама кандай?
Качон келади¹⁰?

⁸ мама, здесь: бабушка (*узб., диал.*)

⁹ узкое стеганое узбекское одеяло

¹⁰ — Здравствуйте, дедушка!

— Кто это? А-а, садись.

Как здоровье? Как мама?

Когда придет? (*узб.*)

Есть у дедашки высокое кресло и свой парикмахер-еврей,
восемь детей и несметное множество внуков.
Между двух стволов тополиных — скамейка
есть у дедашки.
И йилпугич ¹¹ с рукоятью узорной
всегда под рукой.

Все наносное и лишнее
уходит из мира дедашки:
дальние родичи,
широкие людные площади,
шумный базар и заботы о хлебе и соли.
Русская речь покидает дедашкину память.

Не торопись, посиди,
долг день, наиграться успеешь.
Слушай тяжелые, влажные хрипы
в бедном натруженном горле.
Муха бесшумно поверхность стекла изучает.
Плотно сомкнуты веки. Ступай.
Деда ухляпти ¹²...

ВЕТВЬ ТРЕТЬЯ

*Миллиарды серых и белых волокон
с каждым днем, с каждым сном
обрываются, путаются.
Погибают нейроны,
выпадают из сложных химических реакций.
Домысел и иллюзия
замещают в возникших пустотах
цепочки памяти.*

¹¹ флажок с вращающимся полотнищем - приспособление для обмахивания, отпугивания мух

¹² Дедушка спит... (узб.)

1.

И вот уже не дарил мне бородатый дядя Саша
на день рождения паровоз
со звонкими колокольцами,
не опускал я зябкими сумерками
фонарный зайчик в карман рубашки,
не уводил меня дедушка за ухо со двора
на глазах у цокающих языками аммашек¹³,
а только здоровался вежливо,
на вопрос: «Как дела? Как дома? Чой ичасизми?» —
отвечал: «Помаленьку, спасибо, не буду...»

2.

Снится отец.
Головой покачав с высоты неприступного роста,
за руку крепко берет:
«Хватит бегать, пойдём, потом доиграешь».
Тотчас срастаются руки,
деревенеют запястья,
нежные пускают побеги —
листья дрожат на ветру.
Не разомкнуться отныне
нашим похожим рукам...

3.

Надо сходить на колонку
за водой для большого семейства.
В сумерках приоткрыта калитка чужого двора,
обещая чужую сказку.
Два двора непохожих.
Две калитки — из разного дерева.
Две семьи, из которых одна

¹³ тётя по отцу

никогда не поймет другую, даже
на ломаном русском.
Но в пряных сумерках этим двоим кажется,
что их разделяют
только сто с небольшим метров — от одних ворот
до других.

Сколько суток может прожить без воды
большое семейство?
Приоткрыта калитка...
Голоса переходят на шепот...
А меня с ними нет,
мое время еще не настало.

4.
Сходятся гости,
цветы приносящие.
Убирается розовыми лентами
длиннотелая черная «Чайка».
(Детский спор:
развернется ли «Чайка» на нашей
узкой ветвящейся улице?)
Ждут жениха. Перед зеркалом платье ажурное
лишний раз примеряет невеста.
Тают часы и минуты,
а сто с небольшим метров до чужого двора
все так же непреодолимы.

— Джиннимисан? Джим отир, дедим,
хеч каерга бормайсан ¹⁴!

Не зарешечены окна отчего дома.
(Меня еще нет,
мое время еще не родилось.)

¹⁴ невестка (узб.)

Жесток асфальт и шершав.

(Сердце минуты считает.)

Никогда еще не мелькали так быстро
сто метров шербинок, асфальтовых трещинок
под босыми ногами...

(Не оглянуться бы на скамейку
между двух тополиных стволов.)

5.

Надо бежать быстрее, чтобы коснуться
черных волос и круглой ямки плеча.

Ствол неохватной груши, угол беседки,
столик приземистый, где кенаи¹⁵

белье бесконечно стирает —
все промелькнет перед взором не раз
в ненасытной погоне.

Нет, не настичь круглолицую:

быстро росла, редко болела.

Лишь обернется, дразня, полоснет
сердце улыбкой.

— Ай, югурмайсла^{16!} —

окрикнул с айвана¹⁷ аяшка.

Поезд с округлой трубой

вдаль уплывет без меня.

6.

Если за щепкой корявой
по арычному руслу последовать

в населенную глубь

частных владений,

взору откроется изнанка соседских дворов

и чужих огородов неведомая архитектура.

Там, за фасадами с малолетства знакомых строений,

¹⁵ — Эй, не бегайте (*узб., диалектн.*)

¹⁶ терраса при доме, место для отдыха

собственной сказкой шумят
кроны фруктовых деревьев,
тайны иные сухой охраняет малинник.

Долго будет петлять огородами щепка,
но не замедлит хода, даже минуя
колонку напротив калитки зеленой,
где ладони признавались в любви,
где через край жестяного ведра
перегибалась, перебегала вода
невкушнным, непрожитым счастьем.

Я уже здесь, я проснулся обратно,
но нет их со мной:
растворились в лабиринте извилистых улиц,
в летнем зное истаяли...

III

ДУША

«Что же ты все больше о телесном,
что же так наивна и слаба?
Ведь уже почти открытым текстом
говорит суровая судьба.

Отчего в преддверье скорби вечной
ты, душа, упорствуешь в грехе?» —
Смуглотелой девочкой-узбечкой
на лугу танцует вдалеке.

Облакам и утреннему солнцу
оставляет в травах след босой.
Запрокинув голову, смеется,
пропасти не видя под собой.

* * *

Видишь себя среди книг:
в серых штрихах полумрака
губы кусает двойник
над истощенной бумагой.

Ведать ему не придется,
как в сердцеvine костра
ветка, тонка и сыра,
в плавной агонии гнется.

Скоро он станет чужим —
жертва бесплодного спора.
Твой же ковчег, нерушим,
устья достигнет не скоро.

* * *

Нет, не покинут человек.
Метеосводка — весть о небе.
Помятый магазинный чек —
напоминание о хлебе.

Вот дышит спящая жена
за рамками стихотворенья,
неповторимостью страшна,
бесшумным таинством старенья.

На ощупь ноги второпях
спускаешь. В тапочках непарных
тебе ль, бессонный черепах,
бежать от дум высокопарных,

в плену живого уголка,
коробочки исповедальной?
В иллюминаторе глазка
чужая дверь, как берег дальный.

* * *

О, хороши сады за огненной рекой...

В. Ходасевич.

Безмолвствуют сады за огненной рекой,
где черное висит медлительное солнце, —
лишь камень с хриплым стоном шевельнется
под неуверенной ногой.

Мерцающий мой друг — приветливая мышка,
Атос, Портос и косолапый мишка
задумчиво сидят на берегу.
Вниманья их привлечь я не могу.

Катулл без воробья, без ласточки Державин,
неразличимы в после-бытии,
следят, как, с этих пор неотменим и равен,
Савельев, полотер, выходит из лады.

* * *

Куда по кухонной вселенной
бежит он от угрозы мнимой?
Зачем колючие колени
несут сухое тельце мимо

карандаша, квадратной башни
будильника, стоящих в ряд
кассет — домашних и нестрашных
на первый человеческий взгляд?

Спешит он вверх, но гасит скорость
горшка виниловая стенка,
где наступает он на голос
в гармошку согнутой Шульженко.

Поднялся. Замер на высоком
краю, тревоги не храня, —
как я под неусыпным оком
на глади выходного дня.

* * *

Моя скрипучая кровать,
теней прозрачные намеки,
запутавшийся в проводах
столб — собеседник одноногий, —
мне скоро будет не хватать
вас, отстающих по дороге.

* * *

Как по-земному прост и незатейлив
набор крючков для азбуки небесной!
В склерозном, шатком, непослушном теле
так мало места правде бестелесной.

Работают машины костяные
на снах вчерашних, на случайном соре,
пока сосудистая дистония
шумит в ушах, как в раковине — море.

* * *

Тело мудреет, как плод.
Вот только рассудок
не поспевает за ним, отстаёт
от времени суток.

Нет чтобы под ноги — тянется вспять,
лица встречает.
Тело, зевнув, отправляется спать,
а он его не замечает.

Смотрит кино свое поздней весной
о растаявшем мартовском снеге.
Все перемелется, все — возрастное.
Опустите мне веки.

В рамку глазницы моей помещен,
на горячей изнанке
мальчик казахский играет с мячом
на полустанке.

Отяжелевший на солнце вагон
век без движенья.
Мяч черно-белый стучит, как живой, о ладонь, нарушая закон
притяженья.

Вот и зарос от бумаги порез.
За окнами — без перемен.
Старый диван отправляется в рейс
хоккей-КВН.

ПАМЯТИ ШИШКИНА

1.

В разлуке все равны издалека,
на расстоянье вытянутой мысли.
Под Рождество колеблется рука
к невозвращенцам тень твою причислить.
Что изменилось, если не забыт
твой голос, если Интернет хранит
твои составленные неумело
по-детски однострочные «и-мейлы»?

2.

Осталась мелочь. Минут сорок дней —
не затворяя за собою двери,
войдет в квартиру пыльную Андрей,
найдет в шкафу рецепт «Кровавой Мэри»,
записки, снимки. Факультетский хлам,
оцифровав, добавит он к стихам,
чтоб стал объемней образ твой и гуще
в том времени, куда ты не был впущен.

3.

Ты был Ташкентом каждому из нас.
Тебя в воспоминания как камень
краеугольный клали. В этот час
мемориальный город твой меж нами
распределен, безоблачен и тих
и не проснется от шагов твоих,
когда на свет выходишь ты, бесплотен,
из сумрака сутулых подворотен.

4.

Кто много пьет, тот слаб и бескорыстен.
Не потому ли с легкостью такой
ташкентский дембель Ваня Охлобыстин
чертил татуированной рукой
в грядущую коллекцию автограф?
Не потому ли Файнберг, не отвергнув
вниманья твоего, тебе читал
во весь свой хриплый раненый вокал?

5.

В твоём раю начала девяностых
сухой Уотерс шепчет и кричит.
Твой дом кирпичный обратился в остров,
над зеленью плывет, многоочит.
Ты всех собрал — и Виктора, и Марка.
На крышу, загорать, пока не жарко!
Кого страшит, что сразу за углом —
небытия кромешного разлом?

Уходит солнце в тень в твоём раю.
Пока гудрон хранит нас, остывая,
мы посидим немного на краю,
корнями до земли не доставая.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
I.	
«Цветные рыбки по обоям...»	12
В НАШИХ СНАХ	13
«Мне легче быть с тобой — недавней...»	14
ПОЭМА ПРОШЛОГОДНЕГО ВЕТРА	15
II.	
«Открыл однажды в глубине пустынь...»	20
ГОРОД	21
«Что толкнуло сбежать...»	22
ПОЭМА ВЕТВЯЩЕГОСЯ ЛЕТА	23
III.	
ДУША	36
«Видишь себя среди книг...»	37
«Нет, не покинут человек...»	38
«Безмолвствуют сады за огненной рекой...»	39
«Куда по кухонной вселенной...»	40
«Моя скрипучая кровать...»	41
«Как по-земному прост и незатейлив...»	42
«Тело мудреет, как плод...»	43
ПАМЯТИ ШИШКИНА	44

Вадим Муратханов
ВЕТВЯЩЕЕСЯ ЛЕТО
Стихи

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта
Вадим Месяц
Елена Пахомова
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление Владимира Сулягина

«Русский Гулливер»
тел. 159-00-59
<http://gulliver.commentmag.ru/>
E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».
Издательство Р. Элинина.
Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва
Чеховский культурный центр
www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 16.10.2007. Формат 84х108 /32.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Заказ № 1060

Отпечатано в типографии «Гриф и К».
Октябрьская ул., д. 81А, Тула